

ПРАВО ЗАВЕЩАНИЯ МОНАШЕСТВУЮЩИМИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: СЕРЕДИНА XVII – НАЧАЛО XXI в.

© 2014 г. Михаил Анатольевич Бабкин¹

Краткая аннотация: рассматривается эволюция российского законодательства с середины XVII в. по нынешнее время о праве завещания монашествующими их личного имущества. Особо обращено внимание на дискуссии об отмене права завещания монашествующих в различных церковных инстанциях в 1917 г.

Annotation: the paper describes the evolution of the Russian legislation from the middle of the XVII century, to date on the law of the will monastics of their personal property. The attention of the church took place in various instances in the period after February 1917 debate on the abolition of the right of the will monastic religious authorities.

Ключевые слова: законодательство, право завещания, Русская Православная церковь, монастыри, монашество, епископат, Всероссийский съезд представителей от монастырей 1917 г., Предсоборный совет, Поместный собор 1917–1918 гг., Поместный собор 1988 г.

Key words: Russian law, probate law, the Russian Orthodox church, monasteries, monks, bishops, representatives of the All-Russian Congress of the monasteries in 1917, the Pre-Council Board, the Local Council of 1917–1918, A local council in 1988.

Краткий историографический обзор

Вопрос об эволюции порядка наследования личного имущества монашествующих Русской Православной Церкви (РПЦ)² в трудах историков, правоведов и цивилистов практически не освещён. Отдельными специалистами он затрагивается лишь фрагментарно: в контексте общего рассмотрения статуса монашествующих в XVIII – начале XX вв. в области истории РПЦ³, церковного

и гражданского права⁴. Лишь В. Ивановский осветил этот вопрос в контексте рассмотрения развития российского законодательства о монашестве и монастырях с середины XVII по XIX вв.⁵ Автор настоящих строк, фактически продолжив исследование Ивановского, на основании новых источников уточнил ряд тезисов своего предшественника⁶, расширив хронологию.

¹ Профессор Российского государственного гуманитарного университета, ведущий специалист Российского государственного архива социально-политической истории, доктор исторических наук (E-mail: babkin.mikhail@gmail.com).

² В законодательстве Российской империи и в других официальных как светских, так и церковных документах (вплоть до 1942 г.) использовалось название “Православная Российская Церковь”. Однако зачастую употреблялись и названия “Российская Православная”, “Всероссийская Православная”, “Православная Кафолическая Греко-российская”, “Православная Греко-Российская” и “Русская Православная церковь”. По причине того, что 8 сентября 1943 г. решением Собора епископов титулатура Патриарха московского была изменена (вместо “и вся России” стала “и вся Руси”), то и Православная церковь стала называться “Русской” (РПЦ). Соответственно, и в историографии установилось использование аббревиатуры “РПЦ”, а не “ПРЦ”.

³ См.: Смолич И.К. Русское монашество: 988–1917 гг. Жизнь и учение старцев. Приложение к “Истории Русской Церкви”. М., 1999. С. 286–290, 307, 308; Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 2002. С. 16–18.

⁴ См.: Обзорение церковно-гражданских узаконений по Духовному ведомству (Применительно к Уставу Духовных консисторий и Своду законов). С историческими примечаниями и приложениями / Сост. Ивановский. СПб., 1900; Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т. 6. СПб., 1909. С. 16, 26, 35; Бердников И.С. Краткий курс церковного права Православной церкви. Казань, 1913. С. 965–967; Красножен М.Е. Краткий курс церковного права. Юрьев, 1913. С. 59–62; Павлов А.С. Курс церковного права. СПб., 2002. С. 159–161; Пободоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 2. М., 2003. С. 284, 285; Цыпин В.А., прот. Курс церковного права. Клин, 2004. С. 246, 247.

⁵ См.: Ивановский В. Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей (Опыт историко-канонического исследования). Харьков, 1905.

⁶ См.: Бабкин М.А. Регулирование имущественных прав православного монашествующего духовенства в “Своде законов Российской империи” (Изд. 1876–1917 гг.) // Право и государство: теория и практика. 2012. № 11 (95). С. 96–105.

Нормы российского права о личном имуществе монашествующих (до начала 1766 г.)

Одним из ключевых, неизменных положений норм российского права, которым до 1917 г. определялся порядок наследования личного имущества монашествующих православного духовенства, было то, что все без исключения монашествующие, включая архиереев⁷, были лишены прав приобретения, владения и наследования недвижимости. Эта норма, впервые прозвучавшая в Соборном уложении 1649 г. (гл. XVII, ст. 42–44)⁸, на протяжении двух с половиной веков по различным поводам была неоднократно повторена в высочайших актах, решениях Сената и определениях высших органов церковного управления⁹.

Законодательство же, регламентирующее права монашествующих завещать своё личное движимое имущество, не было неизменным. Первоначально оно было полностью ориентировано на церковную норму – на монашеский обет нестяжания, согласно которому принимающий постриг не должен, строго говоря, иметь никакой собственности. Так, в мае 1722 г. император Пётр I подписал “Прибавление к Духовному регламенту. Прибавление о правилах причта церковного и чина монашеского”, в котором звучало (ст. 61): “По смерти архиереев, архимандритов и игуменов и прочего монашеского чина собственного их имущества родственником и свойственником ничего не давать; но таковые вышних чинов присылать

в Правительствующий Духовный Синод, а нижних чинов обирать в монастырскую казну”¹⁰. Данная норма, в которой было введено монашеско-имущественное “равноправие”, в период 1736–1765 гг. была повторена в ряде высочайших актов и постановлений Кабинета министров¹¹.

Дарование монашествующим духовным властям права завещания (20 февраля 1766 г.)

20 февраля 1766 г. увидел свет Указ императрицы Екатерины II “О дозволении архиереям, игуменам и прочим монашествующим располагать при жизни своей имением в пользу сродников, свойственников и ближних своих”. В нём говорилось: “...повелеваем: по смерти *архиереев, архимандритов, игуменов и прочих монашеских властей* (курсив наш. – М.Б.) никуда не отбирать оставшегося по них имущества, какого бы оно звание не было, в деньгах, золоте, серебре или ином чём, кроме тех вещей, которые к ризницам их принадлежат и которые они по набожности своей к Церкви святой из собственного их имущества построили; но архиереи, архимандриты и игумены и прочие монашествующие власти¹² могут при жизни своей тем оставляемым по себе имением располагать так, как им принадлежащим по собственным своим завещаниям в пользу сродников, свойственников и ближних своих, или употреблять оное на богоугодные дела по их изобретению, не давая в том более никому отчёту”¹³.

Появление процитированного Указа было обусловлено желанием императрицы сделать патерналистский подарок духовным властям: порядок наследования личного имущества тех был отделён от “общемонашеского” порядка, определённого в ст. 61 “Прибавления к Духовному регламенту”. Тем самым Екатерина II de jure разделила монашествующих на две группы: одни получили право завещать своё личное имущество (кроме вещей ризницы), а другие – нет.

⁷ О монашестве епископов см.: Бабкин М.А. Особенности правового регулирования статуса епископа в Русской православной церкви (с 1917 г.) // Право и жизнь. 2014. № 1 (187). С. 164–183.

⁸ См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее – ПСЗ-1). Т. I. Ст. 1. СПб., 1830. С. 96–98. (О законодательстве Российской империи см.: Дорская А.А. Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния. СПб., 2004; Галузо В.Н. Систематизация законодательства в России. Историко-правовое исследование. М., 2009.)

⁹ См., например: ПСЗ-1. 1830. Т. VII. Ст. 4450. С. 230, Т. XIV. Ст. 10237. С. 148; Т. XXIII. Ст. 17488. С. 916, 917; Т. XXXI. Ст. 24246. С. 200, Т. XXXII. Ст. 25162. С. 373; Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е (далее – ПСЗ-2). 1832. Т. VI. Отд. 2-е. Ст. 4844 (§ 9). С. 98; Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е (далее – ПСЗ-3). 1886. Т. III. Ст. 1495. С. 126–128.

Например, на Московском соборе 1667 г., проходившем с участием восточных патриархов, было сказано, что богатство пагубно для монашеского образа жизни. И соборным определением от 17 июня было запрещено монахам лично владеть недвижимыми имуществами. То же правило для монашествующих прозвучало и в определении церковного собора 1669 г. (ПСЗ-1. 1830. Т. I: 1649–1675 гг. Ст. 412 (гл. IV, ответ на вопрос 4). С. 703, 704; Ст. 442. С. 801. 802).

¹⁰ См.: ПСЗ-1. 1830. Т. VI. Ст. 4022. С. 715.

¹¹ См.: там же. Т. X. Ст. 7287. С. 183, Ст. 7551. С. 452, 453, Т. XVI. Ст. 11844. С. 276, Т. XVII. Ст. 12389. С. 128.

¹² В законодательстве позднеимперской России монашествующие стали упоминаться двумя группами: “1) духовные власти: митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, строители, игуменьи и настоятельницы монастырей женских и ризничий Московского синодального дома; 2) прочие монашествующие братия” (Свод законов Российской империи (далее – СЗРИ) [изд. 1876–1917 гг.]. СПб., 1899. Т. IX. Ст. 406. С. 83).

¹³ ПСЗ-1. 1830. Т. XVII. Ст. 12577. С. 587.

Развитие “имущественно-монашеского” законодательства: 1766 г. – конец XIX в.

На рубеже 1856–1857 гг. на уровне Собственной Е.И.В. Канцелярии и Госсовета обсуждался вопрос о желательности отмены права монашествующих властей завещать своё личное имущество. Ведь то право противоречило монашескому обету нестяжания. В ходе прений было решено, что вернуться к прежней норме (фактически к ст. 61 “Прибавления к Духовному регламенту”) практически нереально: “такое постановление было бы, может быть, слишком противно господствующим ныне мыслям и понятиям, особливо же издавна укоренившимся привычкам, и слишком строго для иноков нашего времени”. В результате екатерининская норма отменена не была¹⁴.

Однако 17 сентября 1862 г. настоятели и настоятельницы общежительных монастырей¹⁵ были лишены права завещания, т.е. они были приравнены к монашествующим низших степеней. Данная норма (она не касалась игуменов и игумений необщежительных монастырей) вошла в новую редакцию Устава духовных консисторий (ст. 123), введённую в действие 9 апреля 1883 г.¹⁶

4 декабря 1896 г. в Гражданском кассационном департаменте Правительствующего Сената рассматривались вопросы: сохраняют ли постригшиеся в монашество лица право на капиталы и движимое имущество, приобретённые до пострижения. Чиновники департамента пришли к выводу, что “гражданские законы о монашествующих основаны на церковных постановлениях,

и выраженное в них общее начало, в силу которого монашествующие считаются отрекшимися от мира, должно быть признано руководящим и вытекающим из сущности монашеских обетов”. Они констатировали, что постригающиеся в монашество отказываются от всего своего имущества: не только недвижимого, но и движимого. Имущество же, приобретённое после пострижения, должно поступать в монастырскую казну. Вместе с тем департаментом было указано, что существующая норма права, зафиксированная в высочайшем Указе от 20 февраля 1766 г. (согласно которой монашествующие власти имеют право завещания своего движимого частного имущества), противоречит указанным принципам, что она по существу противоречит и каноническим правилам Православной церкви, и предшествующему законодательству. Однако Гражданский кассационный департамент вынес решения о наложении имущества и капиталов, основываясь на букве действовавших в России¹⁷ гражданских законов¹⁸.

Дискуссии об отмене права завещания духовных властей: начало XX в. – 1918 г.

Вопрос о необходимости отмены права завещания монашествующих властей с начала XX в. начал обсуждаться в церковных инстанциях. Впервые был поднят 13 декабря 1906 г. в Предсоборном присутствии¹⁹ – особой церковной комиссии, цель которой состояла в предварительном рассмотрении вопросов церковной реформы, намеченных к обсуждению на планировавшемся Поместном соборе.

Проходивший в Свято-Троицкой Сергиевой лавре с 5 по 13 июля 1909 г. I Всероссийский съезд монашествующих высказался о желательности лишить духовные власти права завещать своё личное имущество. Было постановлено, “чтобы настоятели не имели права оставлять наследство и в этом смысле [...] ходатайствовать об изменении законодательства”²⁰. Данное постановление было передано в Святейший синод, в недрах

¹⁴ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. IV. (№ 457.). М., 1886. С. 191, 192.

¹⁵ Помимо деления российских монастырей на штатные и заштатные (с 26 февраля 1764 г.), существовало их разделение на общежительные и им “противоположные” – необщежительные. Насельники общежительных монастырей всё необходимое (еду, одежду, обувь и проч.) получали от монастыря, за что безвозмездно трудились в пользу своей обители: например, священнодействуя и/или исполняя различные послушания. В необщежительных же обителях монашествующие, имея от монастыря лишь жилище и общее богослужение (иногда – общую трапезу), всё прочее необходимое для жизни приобретали сами: или на даваемое им жалованье (согласно установленным “штатам”), или на доходы от богослужений, или от изготовления и продажи разного вида изделий. В необщежительных монастырях монахи могли приобретать вещи в пожизненную личную собственность. Законодательство стало разделять общежительные и необщежительные монастыри лишь с 20 марта 1862 г. (см. подробно: Обзор церковно-гражданских узаконений по Духовному ведомству. С. 11–20; Ивановский В. Указ. соч. С. 45–47, 66–70, 113–119.)

¹⁶ См.: ПСЗ-2. 1865. Т. XXXVII. Отд. 2-е. Ст. 38 687. С. 88; ПСЗ-3. 1886. Т. III. Ст. 1495. С. 128.

¹⁷ О названии государства см. подробно: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2010. № 5. С. 119–123.

¹⁸ См.: Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1897 г. СПб., 1897. [Решение от 4 декабря 1896 г.] № 24. С. 86–94, № 39. 128, 129.

¹⁹ Журналы и протоколы заседаний Высочайше учреждённого Предсоборного присутствия. Т. IV. 1907. [Протокол] № 23. С. 103–115.

²⁰ Московские ведомости. 1909. № 159. 12 июля. С. 4.

которого в 1911 г. (по согласованию с министерствами юстиции и внутренних дел) был создан соответствующий законопроект – “Об изменении постановлений действующих законов о праве иерархов Православной церкви и прочих монашеских властей делать духовные завещания о своём имуществе”²¹. 28 декабря 1911 г. этот документ был внесён в III Государственную Думу, в которой был направлен на обсуждение в комиссию по делам Православной церкви. Однако та не успела рассмотреть этот документ²², и он перешёл в IV Думу, в которой обсуждался комиссией по судебным реформам. Однако та комиссия не смогла выработать свою позицию, застопорившись в обсуждении вопроса о разграничении понятий “право завещания” и “право дарения на случай смерти”²³. Соответственно, восстановление ориентированной на монашеский обет нестяжания нормы 1722 г. не состоялось.

В целом все “имущественно-монашеские” нормы российского церковно-государственного права были систематизированы в “Своде законов Российской империи”²⁴.

Вопрос о необходимости отмены у монашеских духовных властей права завещания в различных церковных инстанциях вновь начал обсуждаться после Февральской революции. В тот период Русская церковь оказалась в новых социально-политических реалиях и правовой обстановке²⁵. Высший орган церковного управления – Святейший Синод 29 апреля 1917 г. констатировал, что “при изменившемся государственном строе русская православная Церковь не может уже оставаться при тех порядках, которые отжили своё время”²⁶, взял курс на “отдаление”

церкви от государства. На этом пути главной целью высшего духовенства стал созыв Поместного собора, подготовка к которому шла (с перерывами) ещё с 1905 г. и который должен был стать высшим органом церковной власти²⁷. В тот же день Святейший Синод принял решение о формировании Предсоборного совета – особой церковной комиссии, задачей которой являлась подготовка вопросов, подлежащих рассмотрению на Поместном соборе.

Спустя месяц, в ходе подготовки внутрицерковных преобразований и с целью “поднятия духовной жизни в монастырях и развития религиозно-просветительской их деятельности”, а также выработки программы совершенствования жизни монашествующих Святейший Синод выпустил специальное определение (от 26–30 мая 1917 г.). В нём (среди прочего) содержалось распоряжение созвать с 16 по 23 июля 1917 г. в Свято-Троицкой Сергиевой лавре Всероссийский съезд представителей от монастырей. Высшим органом церковного управления были определены программа съезда и порядок выборности делегатов²⁸.

И на Предсоборном совете, и на Всероссийском съезде представителей от монастырей были подняты вопросы, связанные с личным имуществом монашествующих. Рассмотрим эти дискуссии, выработанные в ходе них для готовящегося Поместного собора²⁹ проекты положений.

Первый из названных церковных форумов – Предсоборный совет начал свою работу 12 июня³⁰. Тогда же было принято решение образовать в его рамках 10 отделов, одним из которых (9-м) был “О монастырях и монашестве”³¹. Заседания этого отдела начали проходить с 14 июня. 21 числа того же месяца председателем отдела был назначен

²¹ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 372. Л. 308об.–309, 385об.–386; Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 5. Деяние 57. М., 1996. С. 215, 221.

²² См.: Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Ч. 2. СПб., 1912. С. 643.

²³ См.: Государственная Дума. Созыв четвёртый. [СПб., 1912.] Сессия I. Журнал № 10. Заседание 10 декабря 1912 г. С. 2, 23; Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Четвёртый созыв. СПб., 1913. Сессия I. С. 251, 279, 280.

²⁴ См. подробно: Бабкин М.А. Регулирование имущественных прав...

²⁵ См. подробно: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной Церкви) /Сост., авт. предисловия и комментариев М.А. Бабкин. М., 2008; Бабкин М.А. Священство и царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы. М., 2011. С. 197–559.

²⁶ Церковные ведомости. 1917. № 18, 19. С. 101.

²⁷ О предыстории созыва Поместного собора см., например: Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен. (Конец 1890-х – 1918 гг.) М., 2002. С. 216–250, 391–425; Бабкин М.А. Священство и Царство ... С. 68–82, 91–107.

²⁸ Церковные ведомости. 1917. № 22, 23. С. 146–148. Программа состояла из 14 пунктов. Имущественно-хозяйственная “тема” затрагивалась в двух из них: “2. Устройство местного, областного и центрального управления по делам хозяйственным и делам духовным. [...] 7. Монастырское хозяйство” (Церковные ведомости. 1917. № 22, 23. С. 148).

²⁹ 5 июля 1917 г. по докладу Предсоборного совета Св. синодом было вынесено определение о созыве в Москве Поместного собора (Церковные ведомости. 1917. № 29. С. 207–211; Деяния Священного Собора ... 1994. Т. 1. С. 11–20).

³⁰ См.: Церковные ведомости. 1917. № 18, 19. С. 117, № 20, 21. С. 133; Деяния Священного Собора... 1994. Т. 1. С. 5.

³¹ См.: ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 577. Л. 2об.–3.

Священным Синодом епископ Минский Георгий (Ярошевский)³².

7 и 10 июля состоялось 6-е (двухдневное) заседание IX отдела. На нём присутствовали 7 человек, в том числе 1 архиерей. Рассматривался проект (“Тезисы”) положения о правовом положении монастырей в государстве. Тот документ был подготовлен и озвучен приглашённым на заседание архимандритом Никанором (Кудрявцевым) — настоятелем Московского Никольского единоверческого монастыря, являвшимся также членом состоящей при Священном синоде Комиссии по делам монастырей и монашества.

В начале своего выступления докладчик отметил, что в основу представленного им проекта положено допущение, “что отделение церкви от государства не будет осуществлено и что нынешние взаимоотношения их останутся по существу теми же”³³. Вопросы о личном имуществе монашествующих затрагивались в § 9 и § 11 (п. “б”) “Тезисов” о. Никанора. Формулировка § 9 на заседании 7 июля была принята отделом без каких-либо изменений³⁴. Обсуждение же § 11 (состоявшего из п. “а” и “б”) шло 7 и 10 числа. При этом в представляющий для нас интерес п. “б” было внесено лишь незначительное дополнение: добавлены слова “избирательных (активных и пассивных)”. И в итоге два названных (весьма пространных) параграфа стали содержать (среди прочего) следующие положения о личном имуществе и праве завещания монашествующих:

“9. Содействие Православной Церкви, в отношении монастырей, со стороны государства выражается сверх предоставления монастырям преимуществ, общих всей Православной Русской Церкви, в сохранении за монастырями [...] наследственных прав на вымороченное³⁵ всех видов имущество насельников своего монастыря”.

“11. Остаются в силе действовавшие доселе постановления: [...] б) лишаящие монашествующих прав — пенсионных, а также на другие виды общественного призрения, имущественных, торговых, промышленных, векселе и залогодательных, завещательных с распространением

на настоятелей штатных монастырей, экономов архиерейских домов и Синодального Ризничего избирательных (активных и пассивных)”³⁶.

Таким образом, отдел фактически предлагал ходатайствовать перед государством об уравнивании в названных гражданских правах всех представителей духовных монашествующих властей (кроме епископов). Об архиереях же в том документе умалчивалось, по-видимому, по причине того, что члены IX отдела вряд ли считали в своей компетенции рассматривать вопросы о правах епископов, хотя те и являются монашествующими.

Выработанный отделом “О монастырях и монашестве” проект Положения о государственном-правовом положении монастырей Общее собрание Предсоборного совета рассматривало 27 июля на своём 10-м заседании. Присутствовали 15 человек, в том числе 4 архиерея; председательствовал архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский). По поводу интересующего нас вопроса в журнале того собрания совета приводится следующее решение: “Так как пункты относительно хозяйства монастырей оказались несогласованными с работами VII Отдела о церковном хозяйстве, то Собрание постановило: положение о государственном правовом положении монастырей передать на обсуждение в VII отдел Предсоборного Совета”³⁷.

Таким образом, те пункты проекта положения IX отдела, в которых затрагивались вопросы о хозяйстве монастырей, 27 июля Общее собрание передало на согласование в VII отдел — “О церковном хозяйстве”, председателем которого был архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов). И хотя в хранящихся в фондах ГАРФ материалах VII отдела Предсоборного совета и отсутствуют журналы заседаний, состоявшихся после 1 июля (вероятно, они и не проводились), тем не менее ход дальнейшего обсуждения рассматриваемого нами документа известен.

30 и 31 июля на 13–14 заседании Общего собрания Предсоборного совета, проходившем под председательством архиепископа Сергея (Страгородского), вопрос о монастырском хозяйстве рассматривался вновь. Об этом в делопроизводственной документации Совета сказано следующее: “Положения о монастырском хозяйстве по

³² См.: там же. Л. 12–13об.; Деяния Священного Собора... 1994. Т. 1. С. 5, 6, 9.

³³ См.: ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 582. Л. 56–56об., 190–190об.

³⁴ См.: там же. Д. 582. Л. 56об., 59, 60.

³⁵ Вымороченное имущество — имущество, которое осталось после умершего лица и на которое никто не заявляет или не может заявить претензий ни по завещанию, ни по праву наследования по закону.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 582. Л. 63–64об., 196 а–196 б об.

³⁷ Там же. Д. 577. Л. 54.

заявлению VII Отдела перенесены в Положения о церковном имуществе”³⁸.

Однако выработанные VII отделом “Общие положения о церковном имуществе и церковном хозяйстве” Общее собрание рассматривало и приняло ещё на своём 7-м заседании – 22 июля и больше к ним не возвращалось. При этом в тексте тех положений лишь в общих чертах говорилось об имуществе и хозяйстве или “отдельных”, или “всех церковных установлений”; при этом – ни слова об имуществе монастырей и монашествующих³⁹.

Следующей инстанцией, где рассматривались “Общие положения о церковном имуществе и церковном хозяйстве”, был XVI отдел Поместного собора⁴⁰ “О церковном имуществе и хозяйстве”⁴¹, председателем которого был архиепископ Кишинёвский Анастасий (Грибановский)⁴². Поста-тейное обсуждение названного документа шло

³⁸ Там же. Л. 58об.–59.

³⁹ См.: там же. Л. 31об.–33об. Текст принятых “Общих положений о церковном имуществе и церковном хозяйстве” см.: там же. Л. 32 а об.–33об.

⁴⁰ Поместный собор открылся 15 августа 1917 г. В его состав было избрано и назначено по должности 564 человека: 80 архиереев (т. е. примерно каждый второй из общего количества “штатных” в тот момент иерархов РПЦ), 129 лиц пресвитерского сана, 10 дьяконов из белого (женатого) духовенства, 26 псаломщиков, 20 монашествующих (архимандритов, игуменов и иеромонахов) и 299 мирян (см.: Церковные ведомости. 1917. № 29. С. 207–211; Деяния Священного Собора ... 1994. Т. 1. С. 11–20, 60–133.). Подробнее о том Соборе см., например: *Иакинф (Дестивель), священник, монах*. Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности / Пер. с франц. иеромонаха Александра (Синякова). М., 2008; *Бабкин М.А.* Священство и Царство ... С. 453–461, 471–496.

⁴¹ 30 августа в составе Поместного собора были сформированы 19 отделов (позже были образованы ещё 3). Их ведению подлежали предварительное рассмотрение и подготовка широкого круга соборных законопроектов. Если обсуждаемые вопросы требовали рассмотрения различных отделов, то предполагались и совместные заседания отделов. В каждый отдел входили епископы, клирики и миряне. Без поручения или разрешения отдела никакие обсуждавшиеся вопросы не могли быть доложены на соборном заседании. Для принятия соборного постановления из соответствующего отдела должны были поступить в письменном виде доклад, а также (по желанию участников его заседаний) особые мнения. Заключение отдела следовало излагать в виде предполагаемого соборного постановления. О заседаниях отделов составлялись письменные протоколы, в которых фиксировались время заседания, имена присутствовавших, рассматривавшиеся вопросы, сделанные предложения, постановления и заключения. (см: Деяния Священного Собора... 1994. Т. 1. С. 43, 44).

⁴² Деяния Священного Собора... 1994. Т. 1. С. 136.

в течение месяца: с 12 сентября по 13 октября 1917 г. (с 3-го по 11-е заседания отдела)⁴³.

Однако несколько пунктов (в том числе § 9 и 11) проекта Положения о государственном-правовом положении монастырей на заседаниях XVI отдела не прозвучали. Более того, “следы” тех параграфов, ставших по решению Общего собрания Предсоборного совета фактически дополнением к “Общим положениям о церковном имуществе и церковном хозяйстве”, после 31 июля в материалах каких-либо церковных инстанций вообще не значатся.

Возможно, те параграфы были кем-то изъяты из делопроизводственной документации ещё Предсоборного совета, работа которого проходила под председательством архиепископов Финляндского Сергия (Страгородского) (заседания № 1, 3, 6–14-е) и Тифлисского Платона (Рождественского) (заседания № 2, 4-е)⁴⁴. Возможно, их “положил под сукно” председатель XVI отдела Поместного собора архиепископ Кишинёвский Анастасий (Грибановский)⁴⁵. Но также может быть, что они исчезли в ходе передачи документов из Предсоборного совета в инстанции Поместного собора.

Вопросы, связанные с личным имуществом монашествующих, IX отдел Предсоборного совета рассматривал и при обсуждении проекта положения о хозяйстве монастырей. 14 июля состоялись два заседания того отдела – “№ 10” и “№ 10а”. В них принимали участие 7 человек, в том числе 1 епископ. “Тезисы” проекта положения о хозяйстве монастырей, состоящие из 15 параграфов,

были составлены членом Петроградского духовно-цензурного комитета архимандритом Христофором⁴⁶. В § 12 значилось: “б) Всё имущество, оставшееся после смерти настоятеля, должно переходить в собственность монастыря во всех монастырях”⁴⁷, т.е. автор предлагал для настоятелей монашеских обителей фактически вернуть норму 1722 г., содержащуюся в процитированной выше ст. 61 “Прибавления к Духовному регламенту”.

На заседании “№ 10” практически без обсуждений был принят § 12 проекта (как и § 5–11) в своей первоначальной редакции. Однако на состоявшемся практически сразу же заседании “№ 10а” “Тезисы” архимандрита Христофора по какой-то причине были рассмотрены повторно. И в ходе прений IX отделом были приняты лишь их § 1–10, 13 и 15: одни с редакционными правками, а другие без них. А о § 11, 12 и 14 в протоколе того заседания отдела значится следующее: “остальные (параграфы. – М.Б.), ввиду не принципиального характера содержащихся в них указаний по разным сторонам хозяйственной жизни монастырей, частью входящих в область вопросов, которые должны иметь место в монастырском Уставе, исключаются”⁴⁸.

Таким образом, в ходе работы над проектом положения о хозяйстве монастырей IX отдел Предсоборного совета 14 июля 1917 г. вычеркнул пункт (наряду с другими двумя) о безоговорочном переходе в собственность монастыря личного имущества, остающегося после смерти настоятелей всех монастырей. Вместе с тем если сравнить § 12 (п. “б”) проекта положения о хозяйстве монастырей с § 11 (п. “б”) вышеупомянутого проекта положения о правовом положении монастырей в государстве, то можно увидеть, что первый является почти частным случаем второго, а в вопросе о завещательных правах монашествующих они, по существу, тождественны.

Судя по всему, именно по причине близости по содержанию названных пунктов члены IX отдела, приняв 7 и 10 июля проект положения о правовом положении монастырей в государстве, включавший процитированный выше § 11 (п. “б”), 14 числа того же месяца при рассмотрении проекта положения о хозяйстве монастырей сочли нужным исключить его § 12 (п. “б”). Ведь тот § 12 (п. “б”) фактически дублировал § 11 (п. “б”)

⁴³ См.: ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 406. Л. 12–73.

⁴⁴ См.: там же. Д. 577. Л. 1–65. При этом журнал заседания № 5, состоявшегося между 13 и 20 июля 1917 г., нам обнаружить не удалось.

⁴⁵ По крайней мере летом 1918 г. архиепископ Кишинёвский Анастасий (Грибановский) считал вопрос о личном имуществе архиереев достаточно актуальным. Об этом свидетельствует содержание доклада архиепископа Анастасия, прозвучавшего 8 (21) августа 1918 г. при представлении Поместному собору выработанного XVI соборным отделом проекта “Основные положения о церковном имуществе и хозяйстве Русской Православной Церкви”. В том докладе значительное внимание было уделено вопросу о личном имуществе архиереев. Однако на следующем заседании 10 (23) числа при постатейном рассмотрении представленного отделом проекта “Основных положений...” тезисы о личном имуществе монашествующих не прозвучали. Последнее понятно: ведь те тезисы не рассматривались на заседаниях XVI отдела и, соответственно, не были внесены в выработанный отделом проект “Основных положений...”, хотя те тезисы, как уже говорилось, должны были поступить в отдел из Предсоборного совета. Или они всё же поступили в отдел, но были его председателем “положены под сукно”?

⁴⁶ См.: ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 582. Л. 80–82об., 89–91об., 212–213 б об., 217–218 б об., 219–224.

⁴⁷ Там же. Л. 87–87об., 223–223об.

⁴⁸ Там же. Л. 82об., 91об., 213 б об., 218 б об.

предыдущего документа, принятого тем же отделом 10 числа.

Иначе говоря, IX отдел, по-видимому, во избежание повторов в проектах двух своих документов убрал из второго из них интересующий нас § 12. Важно, что это было сделано до того, как 27 июля Общее собрание Предсоборного совета рассмотрело выработанный IX отделом проект положения о правовом положении монастырей в государстве с описанным выше для его § 11 финалом.

Вероятно, если бы членам IX отдела был известен результат обсуждения в Общем собрании § 11 (п. “б”) проекта положения о правовом положении монастырей в государстве (а именно: передача его на обсуждение в VII отдел с последующим исчезновением каких-либо его следов), они по-другому отнеслись бы к дублирующему его § 12 (п. “б”) проекта положения о хозяйстве монастырей.

В целом практические результаты проходивших на Предсоборном совете обсуждений вопросов, связанных с личным имуществом насельников монастырей, свелись к нулю. Разрабатывавшиеся в Предсоборном совете соответствующие предложения не дошли до обсуждения на Поместном соборе, начавшем свою работу 15 августа 1917 г.

Рассмотрим соответствующие материалы второй из ранее названных церковных инстанций, работавшей в июле 1917 г., – Всероссийского съезда представителей от монастырей. В его работе принимали участие 137 человек с правом решающего голоса (из них 10 архиереев) и 13 человек с правом совещательного. Председательствовал викарий Московской епархии епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский) (с 1 мая 1917 г. – настоятель Данилова монастыря, до того же, с 1909 г., – ректор Московской духовной семинарии⁴⁹). Почётным председателем съезда был избран архиепископ Московский Тихон (Беллавин)⁵⁰ (с ноября 1917 г. – патриарх Московский и всея России).

В последний день заседаний Съезда, 23 июля, делегат от Пензенской епархии иеромонах Евфимий выступил с “внеочередным заявлением”. Он выразил “недоумение”, что епископы и настоятели монастырей, в отличие от остальных монашествующих, имеют право оставлять завещания о наследстве. Заявление о. Евфимия было встречено с пониманием со стороны

присутствовавших. Руководивший заседанием епископ Елисаветградский Прокопий (Титов) (викарий Херсонской епархии, временно управляющий Александро-Невской лаврой) указал присутствующим, во-первых, что “право оставлять завещания о наследстве предоставлено епископам и настоятелям монастырей гражданским, а не церковным законодательством”⁵¹; во-вторых, что “Св. Синод вносил на рассмотрение Государственной Думы законопроект о том, чтобы оставшееся после смерти епископов и настоятелей монастырей имущества поступали в собственность того монастыря или архиерейского дома, которые были под управлением покойных в момент их кончины и где они жили последнее время пред кончиной”. Продолжил мысль епископа Прокопия “напокойный” (т. е. находящийся на покое, заштатный) архиепископ Никон (Рождественский), бывший Вологодский⁵². Он напомнил участникам съезда, что тот законопроект не стал законом, поскольку не получил санкции Государственной думы. При этом владыка Никон высказал своё мнение, что остающееся после смерти епископов и настоятелей монастырей имущество целесообразнее передавать не в монастыри или архиерейские дома, в которых те представители духовных властей жили перед своей кончиной или которыми они управляли в момент кончины, а передавать то имущество в специальный общемонастырский фонд. А тот фонд, в свою очередь, направлял бы те вещи “на удовлетворение нужд менее обеспеченных обителей по усмотрению центрального монастырского управления”⁵³.

После выступления названных архиереев Съездом было постановлено: “Разделяя взгляд Святейшего Синода о том, что имеющиеся в Российском гражданском законодательстве некоторые исключения в области наследственного права для епископов и настоятелей монастырей, по которым они имеют право оставлять завещания о своём имуществе, являются противоречием основному принципу иноческого жития – связи инока с его обителью и иночеством, и принимая во внимание представлявшийся в Государственную Думу, но не получивший законодательной

⁵¹ Из слов епископа Прокопия следует, что, по его мнению, церковное законодательство такого права епископам и настоятелям не предоставляло.

⁵² Никон (Рождественский) в июле 1909 г. председательствовал на I Всероссийском съезде монашествующих, принявшем резолюцию с ходатайством перед властями об отмене права настоятелей монастырей оставлять наследство своим родственникам (см.: Моск. ведомости. 1909. № 159. 12 июля. С. 4).

⁵³ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 372. Л. 385об.–386.

⁴⁹ См.: Церковные ведомости. 1917. № 18–19. С. 117.

⁵⁰ См.: ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 372. Л. 318–319, 409об.–414об.

санкции законопроект Св. Синода о том, чтобы оставшиеся после смерти епископов и настоятелей монастырей имущества их поступали в собственность того монастыря или архиерейского дома, которыми управляли покойные в момент кончины и в котором они жили в последнее время пред кончиной, – выразить пожелание, чтобы таковые имущества поступали в общемонастырский при Всероссийском Монашеском Совете фонд – для выдачи пособий и поддержки нуждающимся монастырям по усмотрению Всероссийского Монашеского Собора^{54,55}.

Практически дословно это определение было повторено в общем своде постановлений того съезда (в разд. “VIII. Монастырское хозяйство”, в качестве § 153), представленном архиепископом Московским Тихоном Св. Синоду 12 августа того года⁵⁶.

Причём в “Заключении” общего свода постановлений рассматриваемого съезда говорилось, что принятые им резолюции, “касающиеся внутренней жизни обителей, богослужения и монастырской дисциплины, желательно ввести в жизнь с утверждения их Поместным Церковным Собором, в самом непродолжительном времени”⁵⁷. Последнее слово в придании рассмотренному постановлению (об отмене у архиереев и настоятелей права завещания) статуса обязательного общецерковного установления оставалось за Поместным собором – высшим органом управления РПЦ, обладавшим полнотой церковной власти.

Важно подчеркнуть, что обсуждение на Всероссийском съезде представителей от монастырей вопроса об отмене права архиереев и настоятелей монастырей завещать своё личное имущество состоялось не в рамках определённой Св. Синодом программы съезда, а по инициативе “снизу”.

Решения Всероссийского съезда представителей от монастырей поступили на рассмотрение в XI отдел Поместного собора – “О монастырях и монашествующих”. Главной задачей этого отдела была выработка Положения об устройстве мужских и женских монастырей, о монастырском управлении и об учёном монашестве. В основу того

документа и должны были лечь помимо прочего постановления названного всероссийского съезда.

В состав XI соборного отдела входили 67 человек, из которых 19 архиереев, 14 лиц в иных священных санах (из которых 12 монашествующих) и 34 мирянина. Отдел начал работать 31 августа 1917 г. Его председателем был избран архиепископ Тверской Серафим (Чичагов)⁵⁸.

С 13 сентября, со своего третьего заседания XI отдел начал последовательно (по параграфам) рассматривать собрание постановлений Всероссийского съезда представителей от монастырей⁵⁹. 15 ноября на 19 заседании очередь дошла и до вопроса “О монастырском имуществе и хозяйстве”⁶⁰. И в журнале заседания соборного отдела говорится: “IV. Рассматриваются следующие *составленные Председателем на основании постановлений* (курсив наш. – М.Б.) съезда представители от монастырей положения о монастырском имуществе и хозяйстве: [...]”⁶¹. Данная формулировка свидетельствует, что тексты рассматривавшихся в тот день отделом “постановлений” не были аутентичны соответствующему комплексу постановлений Всероссийского съезда представителей от монастырей. Подтверждает это и сопоставление материалов журналов заседаний названного монашеского съезда и XI-го отдела Поместного собора⁶². В самом деле, архиепископ Серафим на 19-м заседании приводил постановления съезда не по порядку первоисточника (т. е. не по параграфам)⁶³, а по своей нумера-

⁵⁸ См.: там же. Д. 370. Л. 1, 198; Деяния Священного Собора... 1994. Т. 1. С. 136, Деяние 11. С. 151. 18 октября 1917 г. составы членов соборных отделов были расширены. В XI отделе стало числиться 75 человек (Деяния Священного Собора... Т. 2. Деяние 26. С. 275).

⁵⁹ Журналы заседаний соборного отдела “О монастырях и монашествующих” см.: ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 370. Л. 1–194.

⁶⁰ В тот день присутствовали 24 из 67 членов отдела (ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 370. Л. 100, 106).

⁶¹ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 370. Л. 101.

⁶² Ср., с одной стороны, VIII раздел постановлений “Монастырское хозяйство” Всероссийского съезда представителей от монастырей (§ 136–153): там же. Д. 372. Л. 306об.–309, с другой – тот же комплекс постановлений (о монастырском имуществе и хозяйстве) из 22 пунктов в изложении архиепископа Тверского Серафима: там же. Д. 370. Л. 101–104об.

⁶³ Судя по содержанию журналов заседаний XI соборного отдела, до его предыдущего (18-го) заседания рассмотрение постановлений Всероссийского съезда представителями от монастырей делалось, во-первых, по параграфам тех и, во-вторых, в подавляющем большинстве случаев (за единственным исключением, см.: там же. Л. 80об.), в редакции названного съезда. Начиная же с 19 заседания постановления съезда по параграфам не рассматривались.

⁵⁴ Всероссийский монашеский совет при Священном Синоде и Всероссийский монашеский собор – предполагаемые Всероссийским съездом представители от монастырей вспомогательные и совещательные органы по высшему церковному управлению и наблюдению за монастырями (см. подробнее: там же. Л. 295об.–296об., 346об.–348).

⁵⁵ Там же. Л. 386.

⁵⁶ См.: там же. Л. 308об.–309.

⁵⁷ См.: там же. Л. 315об.

ции, меняя порядок цитируемых постановлений и редактируя по своему усмотрению их формулировки. При этом он вообще не упомянул постановление Всероссийского съезда представителей от монастырей, значившееся как § 153. Соответственно, то постановление с ходатайством перед Поместным собором об отмене права архиереев и настоятелей монастырей завещать своё личное имущество XI соборным отделом “О монастырях и монашествующих” не было рассмотрено. Не упоминалось о нём и 28 ноября на объединённом заседании того же отдела с профильным подотделом “О монастырском хозяйстве” XVI соборного отдела “О церковном имуществе и хозяйстве”⁶⁴. На том заседании рассматривались постановления о монастырском хозяйстве, принятые 15 ноября XI отделом “О монастырях и монашествующих”⁶⁵.

Вследствие “умолчания” в соборном отделе о постановлении Всероссийского съезда представителей от монастырей (§ 153), оно не было доведено и до пленарного заседания Поместного собора.

Таким образом, Серафим (Чичагов) вышеназванное постановление всероссийского съезда, “вменив ни во что”, фактически “положил под сукно”⁶⁶.

⁶⁴ На состоявшемся 17 октября 1917 г. 12-м заседании XVI отдела было принято решение о формировании 10 подотделов (Там же. Д. 406. Л. 80, 81об.). Восьмым из них был “О монастырском хозяйстве” (Там же. Л. 81об.). Задача этого подотдела была в разработке вопроса об упорядочении монастырского имущества и хозяйства в рамках создаваемого XVI отделом положения о приходском хозяйстве (Там же. Л. 80–81об., 84). На 13-м заседании XVI отдела Поместного собора “О церковном имуществе и хозяйстве”, состоявшемся 24 октября 1917 г., архиепископ Тверской Серафим (Чичагов), являвшийся членом XVI отдела, поднял вопрос о целесообразности образования в том отделе подотдела “О монастырском хозяйстве”. Однако после указания председателя XVI отдела – архиепископа Кишинёвского Анастасия (Грибановского), что “выработка положения об имуществе монастырском входит в прямую задачу Отдела о церковном имуществе и хозяйстве”, предложение архиепископа Серафима было отклонено (там же. Д. 406. Л. 84, Д. 425. Л. 22).

⁶⁵ См.: там же. Д. 370. Л. 118, 119. Комплексы вопросов, так или иначе связанных с церковным имуществом, рассматривали и отделы Поместного собора “О правовом положении Православной Церкви в России” (VI-й), “О церковном имуществе и хозяйстве” (XVI) и “О правовом и имущественном положении православного духовенства” (XVII). Однако в тех отделах не рассматривались ни резолюции Всероссийского съезда представителей от монастырей, ни вопросы, связанные с личным имуществом монашествующих.

⁶⁶ Через три дня, с 22 ноября (с 21-го заседания), XI отдел перешёл к рассмотрению иных вопросов.

Имел ли архиепископ Серафим полномочия, с позволения сказать, столь вольно обращаться с постановлениями Всероссийского съезда представителей от монастырей? В Уставе Поместного собора (например, в гл. VII “Отделы Собора”)⁶⁷, а также в журналах заседаний XI отдела об этом ничего не сказано. Получал ли тверской архипастырь на свои действия соответствующую санкцию руководства Поместного собора или Св. Синода? Нам это установить не удалось. По-видимому, двигавшие архиепископом Серафимом мотивы были обусловлены или его личными имущественно-финансовыми интересами, или, что вероятнее, интересами архиерейской корпорации в целом⁶⁸. Ведь появление нормы церковного права, запрещающей духовным властям завещать кому-либо их личное имущество, напрямую ограничивало бы личные материальные интересы архиереев.

Таким образом, “судьбы” выработанных в июле 1917 г. Предсоборным советом и Всероссийским съездом представителей от монастырей положений об отмене у монашествующих духовных властей права завещания оказались практически идентичны. В силу различных причин они не дошли до рассмотрения на Поместном соборе и по прошествии времени оказались преданными забвению.

Прецедент лишения архиерея права завещания

Вместе с тем в декабре 1917 г. в РПЦ была фактически восстановлена, хотя и для одного-единственного иерарха, петровская норма 1722 г., ориентированная на монашеский обет нестяжания.

⁶⁷ Деяния Священного Собора ... 1994. Т. 1. С. 43–45.

⁶⁸ Необходимо отметить, что в структуре Поместного собора имелся такой орган, как Совещание епископов, в который входили все архиереи – члены собора. Лица неепископского сана на заседания этого органа не допускались. Каждое постановление собора подлежало рассмотрению на Совещании епископов, где оно проверялось на “соответствие Слову Божию, догматам, канонам и преданию Церкви”. Фактически. Совещание епископов могло наложить veto на любое постановление Поместного собора, т.е. решающий голос в высшем органе церковной власти принадлежал архиереям (см.: Деяния Священного Собора ... 1994. Т. 1. С. 42, 43.) И если вопрос о запрете архиереям завещать своё личное имущество и дошёл бы до рассмотрения пленарным заседанием Поместного собора и если по тому вопросу даже было бы вынесено положительное определение (в смысле констатации запрета завещаний), то с большой степенью вероятности то соборное постановление могло быть заблокировано “незаинтересованной” в его принятии стороной – самими архиереями на Совещании епископов.

4 ноября 1917 г. Поместным собором было принято решение о восстановлении в Русской церкви патриаршества, упразднённого в 1721 г. Петром I. Не последнюю роль в принятии этого решения сыграли мечтательно-романтические настроения значительного числа соборян⁶⁹. Приверженцами патриаршества считалось как само собой разумеющееся, что российские патриархи будут людьми высокой духовной жизни, монахами-“нестяжателями”. Полагалось, что если в период своего патриаршего служения те какое-то имущество и приобретут, то не передадут его никому, включая ближайших родственников. А всё их имущество по их смерти останется Святой Матери-Церкви.

5 ноября состоялось избрание в патриархи митрополита Московского и Коломенского Тихона (Беллавина). А 21 ноября была проведена его интронизация (настолование, или посадение на патриарший престол)⁷⁰.

Хотя с 21 ноября 1917 г. Тихон и возглавил список “духовных властей”, тем не менее с момента поставления его патриархом буква основных российских законов о нём, строго говоря, умалчивала. Ведь лица патриаршего сана по причине отсутствия патриаршества не назывались в перечне монашествующих духовных властей. (Напомним, что в те власти входили “митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, строители, игумены и настоятельницы монастырей женских и Ризничий Московского синодального дома”⁷¹.) Соответственно, патриарх Тихон оказался как бы в правовом вакууме: *de facto* возглавляя духовные власти, он с 21 ноября *de jure* перестал к ним относиться.

Впрочем, несмотря на парадоксальность данного положения, оно было, можно сказать, вполне естественно: ведь в то время не были очерчены полномочия патриарха даже в области церковного управления.

22 ноября 1917 г., на следующий день после возведения на патриаршество Тихона (Беллавина), на своём 29-м заседании II отдел Поместного собора “О высшем церковном управлении” [председатель – епископ Астраханский Митрофан (Краснопольский)] начал постатейно рассматривать

проект положения “О правах и обязанностях патриарха Московского и всея России”. Тот проект был выработан специальной комиссией отдела, результат работы которой представлял её участник – профессор Казанской духовной академии П.Д. Лапин. 23 ноября (на 30-м заседании отдела в присутствии 66 из 260 его членов) очередь дошла до рассмотрения вопроса об имуществе, остающемся по смерти патриарха. После небольших прений его текст соответствующего пункта был принят отделом без изменений (если не считать двух внесённых запятых): “Единственным наследником имущества Патриарха, после его кончины, является Патриарший Престол”⁷².

Выработанный названным отделом проект постановления о правах и обязанностях патриарха Московского и всея России начал слушаться на пленарных заседаниях Поместного собора 29 ноября 1917 г. Докладчиком отдела выступал П.Д. Лапин, а содокладчиком – архимандрит Иларион (Троицкий)⁷³. Интересующую нас 13-ю статью того проекта постановления соборяне рассматривали 1 декабря. Председательствовал на том заседании митрополит Харьковский Антоний (Храповицкий), присутствовали 313 членов Поместного собора⁷⁴. По существу статьи начались жаркие дебаты. Обсуждались в основном каноническая и юридическая стороны проблемы.

Так, одни участники обсуждения указывали на несоответствие 13-й статьи 40-му Апостольскому правилу, в котором говорится о необходимости строгого разграничения между личным имуществом епископа и имуществом церковным, а также, что главное, о праве епископа завещать первое. Другие же участники дискуссии говорили о полном соответствии 13-й статьи монашескому обету нестяжания и 6-му правилу Двукратного Собора, в котором констатировалось, что монахи (а архиереи и являются таковыми) не могут чего-либо иметь в своей личной собственности: соответственно, не могут и завещать того, чего не могут иметь. Выступавшие также указывали, что дарованное императрицей Екатериной II духовным властям право завещания несовместимо по существу с монашеским обетом нестяжания.

Противники принятия 13-й статьи предлагали передать её на согласование и доработку

⁶⁹ См. подробнее, например: Андреева Л.А. Свержение монархии в 1917 году: крушение Трона и Алтаря // *Общественные науки и современность*. 2009. № 3. С. 90–99; Бабкин М.А. Священство и Царство... С. 70, 113, 114, 323, 478.

⁷⁰ См.: Деяния Священного Собора... 1994. Т. 3. Деяние 36. С. 105–111; Там же. 1996. Т. 4. Деяние 47. С. 36–75.

⁷¹ См.: СЗ РИ. 1899. Т. IX. Ст. 406. С. 83.

⁷² ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 435.

⁷³ См.: там же. Л. 479, Д. 228. Л. 1, 3–7, 17, 22; Деяния Священного Собора... 1996. Т. 5. Деяние 55. С. 128–148, Деяние 56. С. 149–190, Деяние 57. С. 191–221.

⁷⁴ См.: Деяния Священного Собора... 1996. Т. 5. Деяние 57. С. 191.

в соборные отделы “О правовом положении Церкви в государстве” (VI) и “О правовом и имущественном положении духовенства” (XVII). Они говорили, что статья противоречит действующим в России гражданским законам (ч. I ст. 1025 т. X),⁷⁵ и что не в полномочиях Поместного собора их изменять. Они также указывали, что содержание понятия “Патриарший Престол” юридически неясно, что законодательство не знает юридического лица с таким названием. Сторонники же принятия 13-й статьи говорили, что учреждение с названием “Патриарший Престол” тождественно “кафедре Патриарха”; они указывали на существование упомянутого выше законопроекта Св. Синода от 28 декабря 1911 г., содержание которого сводилось к тому, чтобы, во-первых, лишить епископов и начальствующих лиц не-общежительных монастырей права завещать имущество и, во-вторых, чтобы всё имущество тех переходило к архиерейским домам и монастырям. Выступавшие за принятие 13-ой статьи указывали, что она созвучна названному законопроекту Св. Синода, и что если государственная власть в будущем примет тот документ, то положение о “судьбе” имущества патриарха станет иметь силу закона. “Если бы даже государство отказалось санкционировать эту статью, всё же она имела бы большое нравственное значение и обязывала бы Патриарха завещать своё имущество в пользу Патриаршего Престола”, – резюмировал своё выступление проф. П.Д. Лапин⁷⁶.

Весомую роль сыграло выступление председательствовавшего митрополита Антония. Он высказался за принятие той статьи. Среди его доводов прозвучало, что родственники почивших архиереев нередко неподобающим образом обращаются с попавшими к ним по завещанию предметами ризницы и другими вещами, чем среди православных сеются большие соблазны.

В итоге соборные приняли 13-ю статью в редакции отдела “О высшем церковном управлении”⁷⁷. Вскоре 8 декабря по докладу своего XXII (“Редакционного”) отдела Поместный собор принял окончательный текст определения “О правах и обязанностях патриарха Московского и всея России”. Формулировка 13-й статьи приняла первоначальный вид, т. е. созданный ещё комиссией II соборного отдела: “Единственным наследником имущества Патриарха после его кончины

является Патриарший Престол”. Не стало ничего в ней менять и следующая инстанция – Соединение епископов Поместного собора⁷⁸.

Назвав “единственного наследника” патриаршего имущества, высший орган церковной власти тем самым дал однозначно отрицательный ответ на вопрос, имеет ли патриарх Московский и всея России право завещать по смерти своё личное имущество.

Важно, что данное положение было принято в условиях отсутствия какого-либо давления со стороны государственной власти, а также в период непосредственной подготовки Учредительного собрания – конституанты, которой надлежало “установить образ правления и новые основные законы Государства Российского”⁷⁹.

Таким образом, 8 декабря 1917 г. Патриарх Тихон *de jure* был лишён права завещания своего личного имущества – того права, которое он имел со времени его вхождения в состав духовных властей, т. е. с 1892 г. В тот год Тихон с назначением на должность ректора Холмской духовной семинарии был возведён в сан архимандрита; с 1897 г. он – епископ.

На фоне идущего в Русской церкви с 1917 г. по настоящее время процесса возрастания и абсолютизации власти московских патриархов прецедент лишения Поместным собором патриарха Московского и всея России Тихона права завещания имущества представляется уникальным. Он тем более уникален, если учесть, что Собор работал под председательством самого Тихона.

Тем не менее екатерининская норма, разделившая монашествующих по праву завещания на “верхи” и “низы”, Поместным собором 1917–1918 гг. отменена не была. Новые же реалии, в которых духовенство РПЦ оказалось после появления 20 января 1918 г. советского Декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”⁸⁰, отодвинули обсуждение

⁷⁵ См.: СЗ РИ. Пг., 1914. Т. X. Ч. 1. С. 191.

⁷⁶ См.: Деяния Священного Собора... 1996. Т. 5. Деяние 57. С. 220, 221.

⁷⁷ См.: там же. С. 212–221.

⁷⁸ См.: ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 228. Л. 23, 24, 34, 35; Деяния Священного Собора... 1996. Т. 5. Деяние 63. С. 356–358; Собрание определений и постановлений... Вып. 1. С. 6. Следует отметить, что в определениях того Поместного собора о наследовании личного имущества прочих архиереев и настоятелей монастырей ничего не говорилось.

⁷⁹ Данная цитата – из “Акта об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти” от 3 марта 1917 г., которым, в частности, легитимировалась идея созыва Учредительного собрания (см., например: ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2101а. Л. 6, Д. 2104. Л. 4.)

⁸⁰ См.: Известия Центрального исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

вопроса о праве завещания монашествующими своего личного имущества на семь десятилетий.

Современные правовые нормы о наследовании имущества архиереев

Собравшийся в июне 1988 г. по случаю 1000-летия Крещения Руси Поместный собор РПЦ принял два постановления, по своему смыслу фактически противоположных рассмотренным выше решениям церковных инстанций. Одно касалось патриарха, другое – всех епископов, а именно: в принятом Собором Уставе об управлении Русской Православной Церкви констатировалось: “Личное имущество Патриарха наследуется в соответствии с действующим гражданским законом о наследстве” (п. 14 гл. IV)⁸¹; “Личное

1918. № 16 (280). 21 января. С. 2; Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 2. С. 98, 99.

⁸¹ Таким образом, наследование патриаршего имущества стало проходить не в пользу Церкви, а в пользу родственников и прочих близких людей. При этом не уточнялось, что подразумевается под личным имуществом. В результате правовая норма Поместного собора 1917–1918 гг. о наследовании личного имущества московского патриарха, выдержанная в духе строго монашеского идеализма, оказалась в 1988 г. заменена формулировкой, проникнутой, по существу, правовым нигилизмом и финансово-имущественным прагматизмом. По-видимому, появление этой нормы было обусловлено тем, что по прошествии времени стало ясно, что патриархи (равно как и прочие епископы), несмотря на свой монашеский чин, нестяжателями *de facto* вовсе не являются и что частнособственнические стремления им совсем не чужды. Соответственно, у иерархов возникла насущная потребность своё нажитое личное имущество оставлять по смерти не Матери-Церкви, а своим родственникам и другим близким людям. Появление ссылки на гражданское законодательство, очевидно, не было обусловлено “давлением внешних”, поскольку процитированный выше п. 13 определения Поместного собора 1917–1918 гг. “О правах и обязанностях святейшего патриарха Московского и всея России” никак не противоречил каким-либо гражданским установлениям, особенно в позднесоветское время. Однако рассчитанный на “идеальных” патриархов “внутрицерковный” 13-й пункт не устраивал “реальных” иерархов РПЦ. И потому принятая

имущество скончавшегося архиерея наследуется в соответствии с действующим государственным законом о наследстве” (п. 22 гл. VII)⁸². Практически дословно (по смыслу же – тождественно) эти положения значатся и в новом Уставе Русской Православной Церкви (п. 22 гл. XV), действующем с 2000 г.⁸³

Таким образом, в 1988 г. в РПЦ появились правовые нормы, согласно которым всё личное имущество архиереев (без каких-либо оговорок, т.е. и движимое, и недвижимое) после их смерти стало переходить родственникам почивших⁸⁴.

В целом обсуждавшийся в 1917 г. на Предсоборном совете Всероссийском съезде представителей от монастырей и Поместном соборе вопрос об отмене у монашествующих духовных властей права завещания не привёл к созданию соответствующей церковно-правовой нормы. Однако наработки, сделанные названными церковными инстанциями, могут быть востребованными в наши дни: например, в “Положении о монастырях и монашествующих”⁸⁵, обсуждение проекта которого идёт в РПЦ с 30 мая 2012 г.⁸⁶

Поместным собором церковно-правовая норма о праве наследования патриарха была радикально изменена.

⁸² См.: Устав об управлении Русской Православной Церкви. М., 1989. С. 9, 17.

⁸³ Устав Русской Православной Церкви. М., 2000. С. 33.

⁸⁴ При этом в тех же Уставах РПЦ отсутствует пункт о наследовании личного имущества рядового монашеского духовенства и монахов без священного сана.

⁸⁵ Это “Положение...” должно было появиться примерно четверть века назад, поскольку о нём как о реально существующем говорилось ещё в Уставе РПЦ 1988 г. (гл. IX, п. 9), а также в ныне действующем с 2000 г. аналогичном Уставе (гл. XVII, п. 8). Более того, Архиерейский собор 16 августа 2000 г. приняв новый Устав, поручил Священному синоду разработать “Положение о монастырях и монашествующих” (Устав Русской Православной Церкви. М., 2000. С. 61; Журнал Московской патриархии. 2000. № 10. С. 21).

⁸⁶ См., например, публикацию на официальном сайте РПЦ: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2255384.html>